

ПУШКИН И ХВОСТОВ

Публикация А. В. Западова.

Поэт граф Д. И. Хвостов был современником Пушкина, его «собратом по перу», и если Пушкин отметил его эпиграммой:

«Сожаленье не поможет,
Все ж мне жаль, что граф Хвостов
Удержат в себе не может
Ни урины, ни стихов»,

то и Хвостов выступал в качестве критика Пушкина. В архиве Хвостова сохранилась заметка — разбор стихотворений Пушкина, изданных отдельной книгой в 1826 г., — очень любопытный документ, впервые публикуемый ниже. Несколько предварительных замечаний об отношениях Пушкина и Хвостова должны помочь расшифровке отрывочных высказываний автора.

Пушкин рано определил свое отношение к Хвостову; в первом напечатанном своем стихотворении «К другу стихотворцу» (1814) он, предостерегая Ариста от трудностей участи поэта, приводил в пример судьбу бездарных авторов:

«Творенья громкие Рифматова, Графова,
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать».

Имена эти были общепонятны и традиционны в полемической и эпиграмматической литературе 10-х годов XIX в. Сотни эпиграмм на все лады склоняли их; наиболее сильные и злые строки принадлежали членам Арзамаса. Львиная доля этих стрел метила в Д. И. Хвостова, чье имя употреблялось в качестве синонима бессмыслицы, бездарности, тупоумия.

Сатирический портрет Хвостова изображен в лицейской поэме Пушкина «Тень Фонвизина»:

«... добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычерчивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу».

Выступая в Лицее боевым соратником карамзинистов в их борьбе с «Беседой любителей русского слова», Пушкин в ряде стихотворений осмеивает поэтов «Беседы». Фигура Свистова, Хлыстова, Графова постоянно появляется в стихах Пушкина. Есть она в «Городке» (1815), в послании к Батюшкову и других стихотворениях,

перечисление «псевдонимов» почтенного «певца Кубры» дается в послании «Моему Аристарху»:

«Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса,
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных».

В следующем, 1816 г., Пушкин (стих. «Христос воскрес, питомец Феба!») определяет недостатки «питических творений» Хвостова, Боброва, Николаева и всех,

«... которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть, и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно».

В «Послании к цензору» (1822) в этой связи он жалеет об участи цензора:

«Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель...».

Самым замечательным произведением в этой серии является бесспорно «Ода его сиятельству графу Хвостову», написанная в 1825 г. Пушкин мастерски пародирует приемы одописцев. Комизм содержания заключается в том, что Хвостов призывается занять в освободительной борьбе греков место Байрона; его уверяют, что и в Греции он будет «почтенным литератором» и «сенатором», что он имеет много сходства с английским поэтом. Приемы, язык, стилистические обороты, мифологические уподобления — вся манера Хвостова схвачена Пушкиным и преподнесена в преувеличенном, но верном виде.

Но дело не только в этом. Как показал Ю. Н. Тынянов («Ода его сиятельству графу Хвостову», «Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова», П., 1922, стр. 75—92), Хвостов был только средством шаржа. 7 апреля 1824 г. умер Байрон, и его смерть явилась темой для торжественных лирических произведений, в числе которых были стихотворения Кюхельбекера «Смерть Байрона» и Рыльева «На смерть Байрона», написанные в плане канонической оды (последнее — в смысле конструкции). Таким образом Пушкин в «Оде графу Хвостову» давал, по словам Ю. Н. Тынянова, полемический ответ «в о с к р е с и т е л я м оды, причем пародия на

старинных одописцев явилась лишь рамкою для полемической пародии на со временных воскресителей высокой оды, к которой принадлежали Кюхельбекер и, в некоторой степени, Рылеев».

Примечания Пушкина к этой «Оде» замечательно метко пародируют примечания Хвостова к его творениям. Относясь к своим произведениям с необычайной серьезностью, Хвостов снабжал их обширным комментарием — реальным, библиографическим, текстологическим, неумолимо разъяснял каждый термин, каждую метафору, приводил справки исторического и естественно-научного характера, оговаривал заимствованные у других поэтов выражения и по любому поводу цитировал собственные строки. Все его поэтическое хозяйство приведено в строгий порядок, автор стремился максимально облегчить работу будущих исследователей.

В переписке Пушкина Хвостов фигурирует часто и исключительно в виде комического персонажа; в письме брату Льву (4 сентября 1822 г.) Пушкин замечал о Рылееве: «Милый мой — у вас пишут — что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило».

Злополучных «зубастых голубей», действительно существовавших в стихах Хвостова (притча «Два голубя»), Пушкин вспоминает в письме к Вяземскому в начале октября 1825 г., вызывая ответ последнего:

«Ты сам Хвостова подражатель,
Красот его любостыжатель!»

Признание Хвостова: «Люблю писать стихи и отдавать в печать» — иронически использовано Пушкиным в письме Дельвигу в ноябре 1823 г.: «Жалею, что мои элегии писаны против религии и правительства: я полу-Хвостов: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать в печать, а видеть их в печати».

Хвостов четыре раза издавал собрание своих стихотворений и, как утверждают современники, сам скупал большинство непроданных экземпляров. Эта слабость его отмечена Пушкиным в письме брату Льву 1 апреля 1824 г.: «напиши мне как Фонтан расходится — или запишусь в гр. Хвостовы и сам раскуплю половину издания». (Письма, т. 1, стр. 75.) В черновом письме Рылееву (1825 г., там же, стр. 138) Пушкин, развивая мысль о том, что «не должно русских писателей судить, как иноземных», добавлял: «Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов» прожил на них», что, повидимому, соответствовало истине.

Во время холеры 1831 г. Пушкин считал было Хвостова умершим, так же как и Юсупова, и в письме 21 июля Плетневу (Письма, 1935,

т. 3, стр. 37) выражал надежду: «авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами». 3 августа он писал тому же Плетневу: «С душевным прискорбием узнал я что Хвостов жив. [Он] Посреди стольких гробов, стольких ранних и бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным... Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае, именем нашей дружбы, заклинаю тебя, его резать — хоть эпиграммой» (там же, стр. 42).

Приговор суровый, но оставшийся неосуществленным: Хвостов не пережил Пушкина и умер 22 октября 1835 г. В июле же 1831 г., будучи 75-летним стариком, он с грустью заключал свое стихотворение о холере («Июль в Петрополе», т. VII) строками, звучавшими как бы оправданием перед современниками:

«В летах моих унылых, поздних,
Покрытый сединой давно,
Я жив... Но много жертв достойных
Недуга пало под косой;
Кто здесь отечеству полезен,
Тот в гроб всегда нисходит рано...».

Преклонный возраст не мешал Хвостову откликаться стихами на каждое злободневное событие. К тому же 1831 году относится его переписка с Пушкиным. Письмом от 24 октября (Переписка Пушкина, т. II, стр. 339—340) он приветствовал стихотворение Пушкина «Клеветникам России» и препроводил написанный по этому поводу «опус»: «Александр Сергеевичу Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России» (т. VII, 1834):

«Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа;
Употреби свой, Пушкин, дар
На славу русского народа;
Как начал громко — продолжай
О древних подвигах великих» —

писал Хвостов, а в примечаниях указывал, что имеет в виду «Полтаву» и «Бориса Годунова». Таковую же просьбу он излагал и в сопроводительном письме. Пушкин, сообщая об этом Языкову (18 ноября 1831 г. Письма, т. 3, стр. 55), прибавил, что он собирается «достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога», но не выполнил своего намерения. Существенно отметить, что обращение Хвостова к Пушкину вызвало стихотворение «Клеветникам России». Хвостов потянулся к Пушкину, считая, что новый «гостинец» поэта

«Заморскому донажет свету
Его к отечеству любовь».

Сам он откликнулся на польские события одой «Радостная в августе весть 1831» (т. VII, 1834), где восклицал: «сам бог по нас и кто противустанет?»

В следующем, 1832 году, Хвостов посвятил Пушкину стихотворение «Соловей в Таврическом саду» (т. VII, 1834), положенное на музыку и кончавшееся строфой:

«Любитель муз, с зарею майской,
Спешу к источникам ключей,
Ступай подслушать на Фурштадтской,
Поэт где Пушкин-соловей».

в произведениях Пушкина являются строки из «Медного всадника»:

«Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов».

«Бессмертные стихи» были написаны Хвостовым в 1824 г., напечатаны отдельно с немец-

«Невский проспект. Пушкин—гр. Хвостов». Карикатурный рисунок из альбома П. И. Челищева (1830—1831 гг.).

Пушкин ответил любезным благодарственным письмом (2 августа 1832 г. Письма, т. 3, стр. 76), обещав: «На днях буду иметь честь явиться с женою на поклонение к нашему славному и любезному патриарху» и, повидимому, исполнил свое намерение.

Последним по времени упоминанием Хвостова

ким переводом, помещены в «Невском альманахе» и включены затем в собрание сочинений (т. II). Между прочим, в них мы не нашли знаменитых строк:

«По стогам валялось много крав,
Кои лежали там, ноги кверху вздрав»,

которые часто приписываются Хвостову (ср. хотя бы «Эпиграммы и сатиры», т. I, сост. В. Орлов, 1931, стр. 178), но выяснение этого вопроса требует специального экскурса.

Таковы, в общих чертах, сведения о взаимоотношениях Пушкина и Хвостова, для первого из них достаточно определенные. Что же касается Хвостова, то он, повидимому, не сразу признал Пушкина, увидя в нем дерзкого разрушителя дела его учителей — Ломоносова, Хераскова, Петрова. Вместе с «бутырскими критиками» Хвостов был склонен признавать за стихами Пушкина только «внешние» достоинства, блеск, гладкость, легкость. Но лира Пушкина, по его мнению, не годилась для эпических, торжественных и серьезных песен. Таким представляется взгляд Хвостова из его заметки 1826 г. Впоследствии он оценил силу Пушкина, но требовал от него живописания исторических событий, наиболее ответственной, по его мнению, задачи поэзии, и называл Пушкина «соловьем» и своим «знаменитым современником» (Пушкин, Письма, т. 3, стр. 515).

В своей рецензии Хвостов упоминает 12 пьес: «Гроб юноши», «Погасло дневное светило», «Сожженное письмо», «Простишь ли мне ревнивые мечты», «Ненастный день потух», «Андрей Шень», «К Овидию», «Русалка», «Гроб Анакреона», «Черная шаль», «К морю» и «Наполеон».

«Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1826) были разбиты на отделы: элегии, разные стихотворения, эпиграммы и надписи, подражания древним, послания и подражания Корану. Замечания Хвостова касаются пьес первых двух отделов (римские цифры в тексте публикации обозначают порядок стихотворений в книге внутри отделов). Пьеса «Наполеон» заканчивает второй отдел «разные стихотворения». Очевидно, Хвостов начал диктовать или записывать свои замечания, не просмотрев книги до конца. Безоговорочно «образцовым произведением», достойным Тибулла и Проперция, признается только «Сожженное письмо». «Прекрасным» Хвостов считает пьесы «Погасло дневное светило», «Андрей Шень», «К Овидию», но по поводу их он делает уже ряд замечаний. Не получили признания «Русалка», «Черная шаль», «Наполеон» и др.

Хвостов почитал себя одним из первых, если не первым, русским критиком.

«Когда о критике я Попе мысль словил,
Едва ль отечеству не первый говорил», —

указывал он в первом послании «Питомцам муз». В примечаниях (т. 2, стр. 198, 237) он не раз подчеркивал: «Критика у нас показалась не более 35 лет»; «певец Кубры при самом появлении своем на Парнасе начал заботиться о критике,

которой тогда совершенно не было», и др. С большим прилежанием и важностью судил он в своих заметках о произведениях русской словесности, однако критика его никогда не поднималась до значительных обобщений и ограничивалась частными замечаниями об отдельных недостатках строфы, строки, образа, эпитета и т. д. Так же подошел он и к созданиям Пушкина. Несомненно, что серьезности и объективности суждений Хвостова мешало и его несчастное заблуждение: считая себя непревзойденным поэтом, он постоянно стремился поучать других, указывать им ошибки, приписывая свои творческие неудачи проискам злопыхателей — журналистов и недобросовестных критиков.

В своей заметке о Пушкине Хвостов разбирает «погрешности» языка поэта. Он охотно предлагает Пушкину свои варианты, рекомендует вместо «я вас бежал, отечески края» поставить «родные мне края», возражает против удара «передал», против выражения «краткая теплота» и т. д. Иногда рассуждения его носят комический характер. Так, эпитет «золотая» он склонен отнести не к Италии, — «роскошной», по его оценке, стране, а к Сибири, очевидно потому, что там добывается золото.

Тем не менее, все замечания Хвостова по деталям стихотворений не являются случайными и органически связаны со всем его поэтическим мировоззрением. Он исходит из рационалистического понимания слова, канонизированного со времен Сумарокова. Всякий смысловой сдвиг, нарушающий рационалистическое сужение элементарного значения слова, кажется Хвостову незаконным и вызывает его протест.

Не понимая и не принимая поэзии Пушкина, Хвостов требует от него подчинения классическим правилам и предлагает иногда Пушкину сделать то, чего последний стремится избегнуть, по многу раз переделывая какую-либо деталь. Замечание Хвостова о стихотворении «Гроб юноши» относится к строкам:

«... К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает».

Придирчивому критику показалось, что нужно обязательно добавить «холод ключевой воды». Между тем, Пушкин не хотел употребить этого слова — смысл метонимии был совершенно ясен. Среди вариантов стихотворения (Соч., изд. Акад. Наук, т. 3, стр. 82) встречаются наброски приведенных строк:

«Одной рукой приподнимает
[одежду] [и в прохладу вод]
... в лоно вод
[Тихонько]
Пугливо ногу опускает».

В окончательном тексте Пушкин остановился на более сильном и конкретном выражении «холод ключевой», как обычно, после большой и продуманной работы над стихом.

Точно так же бьет мимо цели упрек Хвостова в небрежности по поводу внутренней рифмы в стихотворении «К Овидию»:

«И лиры нежный глас еще не онемел,
Еще твоей молвой наполнен сей предел,
Ты живо впечатлел в моем воображенье...».

В первоначальном варианте (Соч., изд. Акад. Наук, т. 3, стр. 155) эти строки читались так:

«И лиры сладкий глас еще не онемел;
[Следы твои хранит печальный]
Еще тобою полн угрюмый сей предел.
Здесь любит находить мое воображенье»,

т. е. внутренняя рифма, отмеченная Хвостовым, отсутствовала. Черновой текст этого стихотворения показывает напряженные поиски Пушкина. Множество вариантов откинуто поэтом; с особой тщательностью подбирал он отдельные выражения и эпитеты. Таким образом мы имеем здесь дело не с ошибкой или небрежностью, как казалось Хвостову, а с сознательным выбором слова, которое лучше всего передавало мысль поэта.

Строгий поборник благонравия, Хвостов отверг пьесу «Русалка»: «На что мне общество русалок и чертей?» — вопрошал он в 4-м послании «Питомцам муз» (т. 2, стр. 174) и разъяснял в комментарии, что «содержания, основанные на так наз. (féeerie), в которых действуют сверхестественные силы, не могут быть столько настоятельными...». К тому же, есть и еще одно решающее обстоятельство: «надобно, чтобы православие существенно торжествовало, чему пример у Вольтера: Заира и Альзира» (т. 2, стр. 254—255). Разумеется, с этой точки зрения «Русалка» не выдерживала критики Хвостова, стоявшего на сугубо официальных позициях.

Как известно, при печатании «Русалки» в 1826 г. возникли цензурные затруднения. Духовенство, недовольное изображением соблазненного монаха, обратилось с жалобой в министерство народного просвещения, и, быть может, окончательная редакция заключительных стихов является результатом цензурных придинок, потому что первоначальный текст был таким:

«И долго бороду седую
Русалка дергала в воде».

Вполне последовательным представляется и неприятие Хвостовым стихотворений «К морю» и «Наполеон», вызвавших высокую оценку Вяземского, Полевого, Белинского и др.

На вопрос А. И. Тургенева: «читал ли „Черное море“ Александра Пушкина» Вяземский ответил: «Не только читал Пушкина, но и с ума сошел от его стихов. Что за шельма!» (Остаф. Архив, II, стр. 107). «Не всякий понял то высокое благородство, с которым Пушкин приветствовал тень Наполеона», — писал Н. А. Полевой в своем разборе «Бориса Годунова» («Московский Телеграф», 1833, ч. 49, №№ 1 и 2).

Немецкий критик Фарнгаген фон-Энзе в статье, переведенной на русский язык и напечатанной в «Сыне Отечества» (1839, ч. VII), писал: «Стихотворение Пушкина на смерть Наполеона есть одно из самых высоких и полных содержания, которые только были посвящены сему предмету, воспетому поэтами всех народов».

В своем отношении к Наполеону Пушкин быстро преодолел распространенный в официальных дворянских кругах взгляд на него как на «изверга» и «губителя» и сумел оценить его как величайшую историческую фигуру. «Эти стихи, и особенно этот взгляд на Наполеона, — писал Белинский («Соч. Александра Пушкина», ст. IV), — как освежительная гроза раздалась в 1821 году над полем русской литературы, заросшим сорными травами общих мест, и многие поэты, престарелые и возмужалые, прислушались к нему, с удивлением подняв встревоженные головы вверх; словно гуси на гром».

В таком положении оказался и Хвостов, к тому времени давно уже бывший «престарелым поэтом». И по его взглядам Наполеон только «враг человечества и превозносимой свободы». В своих стихах он именуется «кичливый рока сын», «сын брани и коварств», «свирепый вождь», «сын ярости, крамол» («Благогодствие Европы», т. 2), видя в Наполеоне порождение ужасной и ненавистной ему французской буржуазной революции 1789 г. Для Пушкина же, как и вообще для прогрессивных кругов русского общества 10—20-х годов XIX в., величественный образ Наполеона с течением времени приобретал больший блеск и новое обаяние и был неразрывно связан с образом Байрона. Эти имена вовсе не случайно попались «на ложку» Пушкина. Он соединял их в своем сознании. Оба были властителями дум современного поэту поколения; обоих встречает Татьяна в кабинете Онегина (гл. VII, XIX). Образ Наполеона проходит в стихотворении «Герой», в отрывке «Недвижный страж дремал» и в сохранившихся строках X главы «Евгения Онегина».

В своих оценках Хвостов не был лишен принципиальности и своеобразного «политического чутья»; это показывает его отзыв об «Андрее Шенье». Пьесу эту Хвостов называл «прекрасной», разделив в этом смысле отношение современной критики (Белинский, Полевой в «Москов-

ском Телеграфе», «Библиотека для чтения»), но в отличие от этих авторов, писавших о пьесе спустя несколько лет, Хвостов сразу же увидел ее «зажигательный» характер и возможность поставить ее в связь с декабрьскими событиями. Опасения его оправдались.

Стихотворение это причинило Пушкину много неприятностей. Цензура исключила стихи 21—64; запретный отрывок распространялся в списках с произвольным заголовком «На 14 декабря», возникло политическое дело, по которому было привлечено несколько человек; Пушкину пришлось трижды давать письменные объяснения, доказывая, что стихи явно «относятся к французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою» (Соч., изд. Акад. Наук, т. 1, стр. 50 и сл.). В результате за Пушкиным, по постановлению Государственного Совета, был учрежден секретный надзор.

Вероятно, в стихотворении «Андрей Шенье» на Хвостова произвел впечатление приподнятый, декламационный, исполненный силы и негодования тон поэта, т. е. то, что позволило Белинскому на примере начальных строк элегии говорить о влиянии на Пушкина «воспитавшей его старой школы русской поэзии», к которой целиком принадлежал сам Хвостов.

В полном согласии с классической поэтикой Хвостов требовал:

«Похитя зрителей внимание свободно,
Поэт, рисуй страстей стремленье благородно;
Развратного лица неистовый порок
Бессилен огласить читателю урок» (т. 2, стр. 172).

Понятно, поэтому, что «Черная шаль» ему понравиться не могла: «Происшествие гнусное и нет ни одного благородного характера», отмечает он, добавляя: «виноват, я враг этой модной шали». Литература должна воспитывать и просвещать нравы, представлять образы для подражания, давать примеры благородства и доблести. Вот почему «целью» вещи не может быть «убийство». Особенно же опасно, когда такую тему разрабатывает молодой и «нежный» поэт.

«Пусть чувством озарен разбойник иль
кузнец,

Ужели будет он для сцены образец?»

спрашивает Хвостов дальше в том же стихотворении, а в примечании указывает на драмы «Пятнадцать лет жизни игрока» и «Амстердамский палач» как на примеры того, что «вкус целой Европы в наш век стал очень кровожаден». Дальнейшие строки примечания (т. 2, стр. 273) несомненно стоят в тесной связи с оценкой Хвостовым стихов Пушкина, которым он противопоставляет стихи Нелединского-Мелецкого:

«Нельзя сказать, чтобы и наши молодые поэты избегли сей общей заразы. Легко найти примеры, что песенки и мадригалы нередко окровавляются и наполняются ужасами. Не так говорил о любви с нашими красавицами недавно скончавшийся поэт Анакреон-Нелединский. Все его безделки дышат нежностью и сладостным чувством».

Двумя годами ранее с таких же позиций критиковал Пушкина «бутырский классик» (Вестник Европы, 1824, № 1, стр. 70—71. М. Каченовский?), негодуя на композитора Верстовского, который положил стихотворение «Черная шаль» на музыку и возвел «простую песню на степень кантаты»: «В песне г-на Пушкина представляется нам какой-то молдаванин, убивший какую-то любимую им красавицу, которую соблазнил какой-то армянин. Достоин ли это того, чтобы искусный композитор...» и т. д.

Критик признает только «внешнюю» красоту поэзии Пушкина: «стихи его отменно гладки, чисты, плавны», но «где же однако те качества, которые, по словам Горация, составляют поэта? где *mens divinior*? где *os magna sonaturum*?»

Возражая «бутырским критикам», Белинский («Соч. Александра Пушкина», ст. VI) писал:

«А что такое разумели под этим наши псевдоклассические критики? Вот что:

... Кто завесу мне вечности расторг?
Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света
И то, и то!»

Классики «не могли увидеть в Пушкине *mens divinior*, так привыкли они к напряженной шумихе одопений своего времени... И каким образом страсти безвестного человека могли быть предметом такого высокого рода поэзии, как кантата? — С них было бы за глаза довольно и нежной песенки, в роде „Стонет сизый голубочек“: ведь в залы входят только господа, а слуги остаются в передней».

«Безвестный человек» — «разбойник иль кузнец», армянин, молдаванин — с Пушкиным входил в литературу, приветствуемый Белинским. Лагерь «бутырских классиков» мог протестовать сколько угодно: не по силам ему было удержать развитие русской литературы по путям, намеченным Пушкиным.

Заметка Хвостова помещена под № 66 в рукописной книге его архива, озаглавленной «Выписки и переписки графа Хвостова 1825, 1826, 1827 и 1828 годов» (Архив ИЛИ, фонд № 322, том № 31), написана писарской рукой и занимает листы 68—70. В приложенном к тому оглавлению против «№ 66 — Разбор стихов Пушкина под названием Разные стихотворения» неизвестной рукой приписано: «Любопытное для Записок о Словесности».

РАЗБОР СТИХОВ ПУШКИНА ПОД НАЗВАНИЕМ РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

1826-го года Генваря 13-го дня. Я читал с удовольствием книгу, на сих днях появившуюся под названием стихотворения Александра Пушкина. В ней таланта много, остроты довольно, блеску еще более. А шутки часто плоски или подлы. Вот, что я заметил относительно языка — Гроб юноши, страница 18. Опустила ножку в холод ключевой — разве холод ключевой воды. 2-е, XI — страница 19.

Беседы чужд, один и молчалив,

Терзаюсь я досадой одинокой. — Автор уже сказал, что был один, и так выходит досада одинокая или натяжка для рифмы.

3. — Элегия XIII. Страница 22. «Погасло дневное светило» вообще прекрасная пиеса — но «я вас бежал отечески края». Для чего в избежание неприятного стихотворения ки — ки усеченного отечески, не поставить «родные мне края».

4. — XIV. — Сожженное письмо — образцовое произведение, достойное Тибулла и Проперция.

5. — XV. — Стран. 25. «Ненастный день потух» — день проходит, кончается, исчезает, а не тухнет. «Там море движется роскошной пеленой», прекрасно.

6. Андрей Шенье, Стран. 29. Прекрасная пиеса, прекрасный язык и сколько чувства. Жаль, что она вышла вскоре после 14 Декабря, и от того иным показаться может зажигательною.

7. В числе разных произведений первое стихотворение к Овидию есть превосходное творение, особливо конец, в коем много скромности и чувствительности. Смотри страница 39.

«И краткой теплотой согретые луга». Автор верно хотел сказать: «На краткое время», а краткой теплоты быть не может.

«И лиры нежный глас еще не онемел,
«Еще твоей молвой наполнен сей предел,
«Ты живо впечатлел и проч.

Для поэта, каков Пушкин, большая ошибка или небрежность, что окончание полустишия словом впечатлел созвучно рифмам двух предыдущих стихов онемел и предел.

Страница 40. В том же стихотворении к Овидию оробелая лира, по моему мнению, не хорошо.

«Златой Италии роскошный гражданин». Что за эпитет земле какой бы то ни было золотой. Он идет ближе к нашей Сибири, а про Италию справедливее сказать роскошная, и мысль была бы полнее, роскошной Италии сластолюбивый гражданин. Страница 41. «Где ты свой тщетный стон потомству передал». Передал, на рифму вливал, погрешает против звукоударения, что Пушкину непростительно.

«Свободные поля взрывал уж ранний плуг».

Я ужей (уж) не люблю. Притом, что за рисовка луга свободных людей, как разумеет автор, не есть то, что свободные луга. Разве луга, им описываемые, лежали впусе и не были обработаны? Это худо. Свобода лугов обращается в невыгоду жителей и лишает их красоты. Кроме этого вся отставка до конца чувствительная, поэтическая и превосходная.

Русалка пиеса без цели и очень соблазнительная. Кто спорит, что поэзия Пушкина легка и приятна. Но часто лишена благонравия. В Русалке заключено то, что монах, не

взирая на строгость правил и обетов своего звания а еще чаще цель — прельстился молодой девушкой. Гроб Анакреона тоже, но по крайней мере Анакреон многобожник и слывет 2000 лет сластолюбивым развратником.

Черная шаль. Страница 50. Виноват, я враг этой модной шали. Цель ее убийство, для молодого и нежного поэта она слишком кровава. Происшествие гнусное и нет ни одного благородного характера.

Закключаю, что мне статьи «К морю» и «Наполеон» не нравятся. Писаны во вкусе дум Рылеева, хотя слог не столько холоден и менее натянут. Автору, говорящему о величестве и ужасе моря, попались на ложку Байрон и Наполеон. О последнем похвала некстати. Он враг человечества и превозносимой свободы. Если Пушкин восхищается его гением, то что такое гений без доброго сердца?

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО, П. К. НИКСАНОВА и О. В. ЦЕХНОВИЦЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1938